

попаданец

попаданец

Владимир
Марков-Бабкин

1917:
ТРОН ИМПЕРИИ

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин

1917: Трон Империи

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марков-Бабкин В.

1917: Трон Империи / В. Марков-Бабкин — «Издательство АСТ», 2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-120093-0

Попав в разгар Февральской революции в тело брата Николая Второго, наш современник, спасая Россию от хаоса смуты и грядущей Гражданской войны, вынужден организовать и возглавить фактический мятеж, захватив все рычаги власти в стране и действуя от имени уехавшего Николая II. Пытаясь спасти монарха и империю, он сам принимает корону и становится новым императором Всероссийским Михаилом Вторым. Революция отступила, стабильность восстановлена. Но цена высока – он слишком многое и многим обещал. Слишком радикальные реформы объявил. Слишком многим встал поперек дороги. И вот группа высших должностных лиц старой элиты собирается свергнуть нового царя, вернув трон «законному императору». Заговор и мятеж грозят гибелью попаданцу и катастрофой всей стране. Россия стоит на пороге страшной Гражданской войны...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120093-0

© Марков-Бабкин В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Глава III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Марков-Бабкин

1917: Трон Империи

Искренняя благодарность всем моим коллегам, принимавшим активное участие в обсуждениях и доработке текста книги на сайтах «Самиздат» и «В Вихре Времени».

Отдельное спасибо Виталию Сергееву за помощь.

Спасибо вам, друзья. Мы вместе сделали книгу лучше.

Посвящается моей семье

Глава I

На пороге гражданской войны

*Петроград. Дворцовый мост.
5 марта (18 марта) 1917 года.
Около полуночи*

Всего неделю назад я стоял на этом же месте и любовался залитым ярким освещением ночным Санкт-Петербургом, празднично украшенным новогодней иллюминацией и только-только начавшим отходить от бурной встречи наступившего 2015 года. Тогда вокруг меня было множество веселых людей, сотни туристов фотографировались на фоне великолепной панорамы, ярко подсвеченного Зимнего дворца и других зданий набережной Невы.

Увы, все это великолепие недельной давности осталось там, в далеком и теперь, скорее всего, недостижимом для меня будущем. Не сновали сейчас вокруг меня туристы, не двигался больше через мост плотный поток ярких автомобилей, и лишь одинокий возница на санях процокал по снегу копытами своей лошадки. За парапетом моста раскинулся темный и хмурый город, именуемый здесь Петроградом, а Зимний дворец, окрашенный в это время в сплошной терракотовый цвет, высился мрачной громадой, слабо освещенный тусклыми уличными фонарями.

Даже воздух изменился. Тяжелый и тягучий, густо пропитанный запахом дыма и гарью труб тысяч домов, многочисленных заводов и фабрик. Добавьте сюда неизбывный аромат навоза и конского пота, и вы вполне сможете представить себе атмосферу имперской столицы 1917 года.

Далекий протяжный гудок паровоза лишь добавил сумрачности и тоски в мою душу.

– Государь, благоразумно ли гулять ночью? Время крайне беспокойное.

– Пустое, Евгений Константинович. Мост охраняется, а до Зимнего дворца рукой подать.

Да и нет на мосту никого в этот час.

Начальник моей охраны кивнул и отошел в сторону. Генерал и его люди делают свою работу, а я должен делать свою. Но как?

Все было плохо. Город недобро затаился. Казармы были переполнены теми, кто еще шесть дней назад бесновался на улицах Петрограда, теми, кто был готов вновь начать бузить в любой момент. Столица наводнена всякого рода сомнительными личностями, агитаторами, мешочниками, дезертирами. Замершие по случаю ночи улицы могли вновь наполниться яростью в любое ближайшее утро. Возможно, прямо завтра.

Возможно, я ошибся, объявив о всепрощении и прочей амнистии в связи с моим восшествием на престол. Тогда, пять дней назад, пытаясь избежать лишней крови в начале своего царствования, я официально простил всю ту шушеру, которая устраивала тут заговоры и прочие непотребства. И теперь все эти Родзянки и прочие Милюковы вновь плели заговоры и были готовы вцепиться мне в глотку в любой момент.

Но был ли у меня выбор? Брать штурмом город и вести уличные бои, защищая его от мятежной заразы? Крайне не хотелось устраивать бойню на улицах. Впрочем, была высокая вероятность, что все эти революционно настроенные солдаты петроградского гарнизона в своей массе просто разбежались бы. Но особо упоротые вполне могли устроить светопреставление со стрельбой и пожарами. Стоило это делать? Тогда, пять дней назад, ответ мне казался очевидным. Тем более что я рассчитывал на то, что многих лидеров и заводил я смогу взять за задницу позднее, когда ситуация стабилизируется. Но, судя по всему, все эти деятели считают так же и спешат принять меры на опережение.

Эх, мне бы еще два-три дня обойтись без очередного мятежа! Верные фронтовые части прибывают в Петроград, но прибывают, что называется, в час по чайной ложке. Все железнодорожные пути забиты, и тут явно не обошлось без саботажа, поскольку пути забиты в основном вагонами с хлебом, которые, соответственно, мешают проходу воинских эшелонов в столицу.

Да, хлеб нужен, тем более что, устраивая попытку революции две недели назад, заговорщики прекратили подвоз продовольствия в Петроград, что спровоцировало сначала гигантские очереди, а затем и выход народа на улицы. Так что допустить повторения перебоев в такой взрывоопасной ситуации я не мог, но и обойтись без армии я тоже не мог.

А меж тем безусловно верных мне войск в столице сейчас крайне мало. Зато казармы Петрограда, рассчитанные на двадцать тысяч солдат, набиты выше всякой завязки ста шестьюдесятью тысячами тех, кого и солдатами-то назвать язык не поворачивается, теми, кого не стали загребать в армию во все прошлые мобилизации. И весь этот контингент категорически не желал на фронт и был готов поддержать любого, кто пообещает их туда не отправлять.

И сегодня ситуация, и без того аховая, резко обострилась после идиотского (иначе и не скажешь) распоряжения главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Иванова, который отдал циркулярный приказ всем запасным полкам лейб-гвардии, расквартированным в столице, быть готовыми к отправке на фронт в недельный срок. И, разумеется, этот приказ был тут же доведен до сведения не только исполнителей, но и самой солдатской массы. Нужно ли говорить о том, что это произвело самое тягостное впечатление на «бравых защитников Отечества» в столичных казармах?

Добавьте к этому, что структуры МВД в столице только-только начали приходить в себя после фактического разгрома во время минувших февральских событий, и вы поймете, насколько все было плохо. Ведь даже госаппарат в Петрограде сейчас толком не начал функционировать. Одних архивов сколько пожгли. Разумеется, не все пожгли «революционные массы», но списали на них все, что только возможно, подчищая следы.

Но и те сведения, которыми так снабжали меня Отдельный корпус жандармов и департамент полиции, отнюдь не внушали оптимизм. Шли разговоры о том, что ваш покорный слуга никакой не император, а самый настоящий узурпатор, который под угрозой жизни вырвал у Николая Второго отречение не только за него самого, но и за цесаревича, тем самым злонамеренно лишив его законного права престолонаследия. Что император Алексей Второй ждет выступления верноподданных и что он будет благодарен всем тем, кто ему поможет вернуть себе родительский престол. Причем такие разговоры шли и в казармах, и в кулуарах Государственной думы, и в столичных салонах, и на рынках, и в очередях. В разных местах эти разговоры находили разную степень сочувствия, но то, что такие разговоры быстро набирали оборот, было непреложным и до чрезвычайности тревожным фактом. Интриги уже полным ходом обретали очертания реальных заговоров, а сплетни в великосветских салонах однозначно утверждали, что государю императору Михаилу Александровичу Романову править осталось всего несколько дней и он уже вот-вот отречется. Или его отрекут. Возможно, даже обойдутся без романтики, без табакерок в висок и прочих гвардейских шарфов, а просто и без изысков поднимут августейшую особу на солдатские штыки.

В бессильной ярости сжимаю пальцами ледяной парапет моста.

Пять дней. Пять дней я на троне. Никогда еще я не был так близок к катастрофе. Ни в то ужасное утро, когда вдруг очутился в теле царского брата в самый разгар мятежа в Петрограде, ни даже потом, на следующую ночь, в Могилеве, когда меня не стал слушать Николай Второй, а заговорщики взяли под арест.

Пять дней. За эти пять дней я прошел путь от полного оптимизма человека, которому удалось невозможное, до момента осознания того, что катастрофу я, похоже, лишь отсрочил и усугубил.

И теперь не работали методы, которыми я так лихо орудовал прежде. Аристократии и прочим обитателям салонов я решительно не нравился со своими идеями, речами и заигрываниями с чернью, так что они меня справедливо ненавидели. Солдатам запасных полков я теперь совсем не люб, поскольку обещанная мной земля, она где еще и когда будет неизвестно, а объявленная перспектива фронта могла сократить надел до размера братской могилы в самые ближайшие недели. Остальные столичные жители просто ждали, чья возьмет, и не спешили ни на чью сторону, объявив негласный нейтралитет. Добавьте к этому интриги в высшем свете, повышенную активность британского и французского посольств, и картина предстанет совсем уж прекрасная.

Да, все было плохо. Но хуже всего то, что на начальном этапе сегодняшнего кризиса члены моей наспех сколоченной команды действовали совершенно вразнобой, отдавая часто взаимоисключающие команды. Особенно, конечно же, отличился антигерой сегодняшнего дня генерал Иванов.

Я уже начинал серьезно жалеть о своем решении оставить в силе приказ Николая Второго о назначении Иванова на должность главкома Петроградского военного округа, поскольку он все больше напоминал решительного слона в посудной лавке, причем слона, все время обижающегося на любую критику, особенно с моей стороны, и все время с надрывом в голосе повторяющего: «Что ж, может быть, я стар; может быть, я негоден, – тогда пусть бы сменили, лучшего назначили. Я не держусь за место...» – ну и так далее. Со скупой мужской слезой, как говорится.

И самыми мягкими эпитетами, которыми я мысленно награждал генерала Иванова в эти дни, были «старый дурак», «самовлюбленный индюк» и «упрямый осел». Становилось понятно, что кадровый вопрос нужно срочно решать, но тут Иванов выкинул свой фортель с отправкой запасных частей на фронт. Я так и не пришел к однозначному мнению, была ли это отчаянная попытка что-то мне доказать, выхода упрямого осла или, что тоже нельзя было исключать, никакого глубинного смысла генерал Иванов в свои действия не вкладывал, а руководствовался своими особыми соображениями о правильности действий. В любом случае своей выходкой он усугубил положение до крайности.

Издав свой приказ, Иванов загнал ситуацию в тупик, и теперь не было никакой возможности что-то и как-то переиграть, поскольку уже никто не поверит ни в передислокацию в тыл, ни тем более в прощение и дальнейшее нахождение в Петрограде.

В Зимнем дворце весь вечер шло совещание о ситуации в столице. В здании Главного Штаба был создан кризисный центр. Входили и выходили офицеры, вбегали и выбегали вестовые, работал телеграф, а барышни на коммутаторе не успевали соединять абонентов.

Ситуация стремительно ухудшалась. К вечеру пришли первые известия о том, что в казармах Петрограда идут брожения и звучат призывы к выступлению. Пришлось и так немногочисленные фронтовые батальоны перебрасывать в разные концы города для блокировки буздящих казарм, из-за чего был фактически оголен центр столицы. Правда, генерал Иванов сумел-таки где-то высвободить один батальон и распорядился перебросить на охрану Зимнего и Главштаба. В центре было пока тихо, но оставлять главные центры власти без охраны было бы крайне легкомысленным в такой ситуации.

Ближе к полуночи я поймал себя на ощущении, что я уже не в состоянии адекватно воспринимать происходящее. Мозг остро требовал тишины и кислорода, хотя бы на полчаса. И я, отдав соответствующие распоряжения о том, где меня в случае необходимости искать, отправился на Дворцовый мост, благо идти было совсем недалеко.

Морозный воздух освежал уставшие мозги. Возможно, впервые за несколько истекших с момента моего воцарения дней я вот так просто стоял и дышал свежестью зимней ночи. И пусть это был не чистый воздух могилевских лесов, а лишь пропитанный печным дымом суррогат

атмосферы центра столицы, но и этому я был рад. Слишком многое навалилось за эти дни, слишком мало я спал, слишком много курил и пил кофе.

Как я устал в этом времени. Как же я устал от этого времени. Тяжела шапка Мономаха, но корона Российской империи еще тяжелее.

Каким простым делом казалось все вначале – долети в Могилев из Гатчины и не выпусти Николая в тот злосчастный рейс в Царское Село, мол, пусть сидит в Ставке и наводит порядок в своей стране. В итоге это «простое дело» обернулось необходимостью водружать корону на свою бедную голову и заниматься этим «простым делом» самому.

А уж каким умным я себе казался, рассуждая об ошибках прадеда в своем, теперь уже таком далеком, 2015 году! Вот теперь стою на этом самом мосту и смотрю во мрак петроградской ночи, безуспешно пытаюсь придумать хоть какой-то выход из сложившейся ситуации.

Ладно, прорвемся как-нибудь. Вон и вызванный генералом Ивановым батальон приближается. Так что...

*Петроград. Дворцовый мост.
5 марта (18 марта) 1917 года.
Около полуночи*

Множественное хриплое дыхание и скрипящий снег под ногами. Сотни солдатских ног по команде привычно сбились с шага, заходя колонной на Дворцовый мост. Они спешили вперед, не оглядываясь по сторонам. Впрочем, и смотреть было сейчас не на что. Лишь несколько смутных силуэтов припозднившихся зевак провожали их удивленными взглядами, стоя у парапетов моста. Но вряд ли они могли кого-то рассмотреть в серой массе ошестившихся штыками нижних чинов, спешащих мимо них к затемненной Дворцовой набережной. Непривычно темными были в эти дни улицы Петрограда, и даже здесь, в самом центре столицы, горящих фонарей явно не хватало.

Словно сама сгустившаяся тьма порождала то чувство тоски и растерянности, которое не покидало Ивана Никитина в последние недели, и, спеша вместе со своими сослуживцами через этот слабоосвещенный мост, он ловил себя на том, что с куда большей радостью оказался бы сейчас за сотни верст отсюда. Но деваться было некуда. Только вперед, к темной громаде Зимнего дворца...

*Петроград. Таврический дворец.
5 марта (18 марта) 1917 года.
Около полуночи*

В эту ночь Зимний дворец не был единственным зданием в Петрограде, где в этот поздний час светились окна. Горели огни в Главном Штабе, в Адмиралтействе, в Министерстве внутренних дел и в некоторых других зданиях государственного значения. Не дремали и в некоторых залах Таврического дворца. Причем во многих местах подобная бессонница объяснялась прозаическими вещами – приводились в порядок бумаги, после учиненного в этих залах разгрома во времена февральских событий, а также шла передача дел новым руководителям, назначенным новым царем.

Но работали не все в этот час. Тяжелая атмосфера напряженного ожидания царил в Таврическом дворце. Точнее, не во всем дворце, где в гулкой тишине коридоров не видно было ни души, а в том из его залов, где вновь собрались на свое заседание уцелевшие в смутные дни февральского мятежа бывшие члены бывшего Временного Комитета Государственной думы. И собрались они отнюдь не предаться воспоминаниям о произошедшем неделю назад. Нет, их интересовала сегодняшняя ночь, а точнее, события, которые должны вот-вот произойти всего в нескольких верстах отсюда.

Председатель Государственной думы Михаил Родзянко мрачно смотрел в черный проем окна, словно надеясь что-то разглядеть сквозь непроглядную тьму мартовской питерской ночи. В данные минуты решалась судьба России. Да что там судьба России! Решалась его собственная судьба!

Родзянко недовольно поморщился. Всего лишь неделю назад он был уверен, что стоит всего лишь в шаге от вожаемой победы. Складывающаяся так удачно революция открывала для Михаила Владимировича такие радужные перспективы, что он (основательно поколебавшись) все же принял решение отказаться от первоначального плана отстранить от престола Николая Второго и усадить на трон малолетнего Алексея, сделав регентом-правителем государства брата изгнанного монарха великого князя Михаила Александровича. Да и зачем ему было довольствоваться лишь ограниченным влиянием на регента, если он, он сам, Михаил Владимирович Родзянко, мог стать главой государства, возглавив Временное правительство!

Но не сложилось тогда. Внезапно мягкий и простодушный Мишкин, как звали в своем кругу великого князя, вдруг показал волчий оскал и каким-то образом принудил Николая отречься и за себя, и за Алексея, став вдруг государем императором Михаилом Вторым.

Родзянко поморщился. Вот, может, такой решительности, какую проявил Михаил в тот день, лидерам заговора и не хватило. Проявив чудеса изворотливости, прозорливости, наглости и красноречия, он, пока в Петрограде ходили с флагами и колебались, фактически совершил государственный переворот, взяв штурмом Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилеве, обеспечив наштаверха генерала Алексеева пулей в голову, а генерал-квартирмейстера Лукомского новой должностью наштаверха. Созданный Михаилом незаконный Временный Чрезвычайный Комитет, раздавая направо и налево приказы и обещания всего на свете, быстро перехватил инициативу и подмял под себя все государственное управление в империи.

Да, этот Комитет Пяти, как потом неофициально стали именовать этот самый ВЧК, умудрился вручить власть в Петрограде тогда еще полковнику Кутепову, наделив его неограниченными полномочиями, а сам распределил всю власть между пятью своими членами. Москву железной рукой взял за горло великий князь Сергей Михайлович, в Киеве хозяйничал его брат Александр Михайлович, в Ставке главным стал генерал Лукомский, а сам Михаил, как глава этого незаконного Комитета, возглавил поход на столицу, прихватив с собой генерала Иванова в качестве назначенного самим Николаем Вторым командующего экспедицией. И где-то там, в Орше, пути императора Николая и его брата-узурпатора пересеклись...

Михаил Владимирович невольно поежился, вспоминая тот леденящий ужас, который просто растекался по залам Таврического дворца, когда Михаил, уже император, стремительно шел в зал заседаний Государственной думы. И как за ним железной стеной двигались прибывшие с фронта солдаты, и как, уже генерал, Кутепов брезгливо смотрел на председателя Государственной думы, смотрел на Родзянко, словно... словно на насекомое... И как с истеричным восторгом пели перепуганные депутаты «Боже, царя храни!», приветствуя нового императора, взиравшего на них с трибуны холодным беспощадным взглядом.

Ну да, может быть, они где-то в чем-то и перегнули палку с этой попыткой революции, ну и, да, вышло тогда досадное недоразумение с тем идиотом унтером Кирпичниковым, захватившим семью Михаила и зачем-то убившим его жену, но ведь это решительно не повод устанавливать в России самодержавную диктатуру!

Впрочем, в первые дни Родзянко с коллегами думалось, что все обойдется, ведь новый царь объявил амнистию всем участникам событий. И им уже начало казаться, что все пойдет своим чередом, но тут оказалось, что амнистия амнистией, а Михаил Второй требует от русского парламента неслыханного – прекратить болтовню и заняться принятием вносимых царем законов! А также объявить назначенное императором правительство Нечволодова «правительством общественного доверия», то есть тем самым правительством, которого как раз и требовала Государственная дума, затеявая всю эту революцию.

За «правительство общественного доверия» они, конечно, проголосовали, а что им оставалось делать? Но стало ясно – так жить нельзя, и или они сменят царя, или царь отправит их хорошо, если просто в отставку, а не в Петропавловскую крепость.

Хмурым был и Гучков. Во многом свержение Николая Второго было для Александра Ивановича личным делом. Впрочем, неприязненное отношение царя к Гучкову было обоюдным. Николай, оскорбившись тем, что Гучков вынес на всеобщее обсуждение (посредством тиражирования на гектографе) подробности частного разговора с императором, повелел военному министру Сухомлинову передать Гучкову, что тот подлец. Гучков же, при всем своем монархизме, относился к конкретному царю с искренней ненавистью и презрением, считая его свержение делом своей жизни.

Впрочем, никаких противоречий между своими монархическими взглядами и стремлением свергнуть царя Гучков не видел, поскольку считал своей целью лишь замену монарха, считая оптимальным вариантом регентство великого князя Михаила Александровича при малолетнем Алексее Втором. Ну, и введение в России конституционной монархии.

К тому же ни о какой революции Александр Иванович не помышлял, поскольку был категорическим ее противником. Свержение Николая виделось Гучкову по образцу дворцовых переворотов XVIII века, когда гвардейские полки своими решительными действиями меняли ход истории России, возводя на престол одного монарха и удушая своим гвардейским шарфом другого.

Именно такой заговор и плел Александр Иванович, рассчитывая заручиться поддержкой военных и планируя захватить Николая в дороге между Могилевом и Царским Селом. И все вроде начало удачно складываться, и император выехал из Ставки в столицу, и даже беспорядки в Петрограде не меняли общую канву заговора, но тут все пошло не так.

Совсем не таким ему виделось будущее после свержения Николая. По неизвестной до сих пор причине Николай неожиданно передал корону своему брату Михаилу. Впрочем, сам Гучков поначалу счел такой поворот вполне приемлемым, прекрасно представляя себе фигуру нового императора и ту легкость, с которой приближенные могли на него влиять. Так что объявление в России конституционной монархии виделось Александру Ивановичу вопросом практически решенным.

Но Гучков никак не предполагал, что великий князь Михаил Александрович, став государем императором Михаилом Вторым, начнет вдруг играть самостоятельную роль в государственной политике. Да, собственно, этого никто не мог спрогнозировать. Ни те, кто делал ставку на Михаила как на будущего регента, ни те, кто просто не принимал его в расчет. Ни друзья, ни родственники, ни враги, ни союзники – никто не ожидал такого! Похоже, что и сам император Николай был сильно удивлен поведением брата, что уж говорить о других, не столь близких Михаилу людях.

И теперь даже те, кто делал ставку на младшего брата Николая Второго, уже горько жалели о своем выборе и о своих ставках – Михаил Второй оказался совершенно не похож на привычного всем великого князя Михаила Александровича. Да так не похож, что складывалось полное впечатление, что это два совершенно разных человека, словно прежнего Михаила подменили!

Гучков не мог забыть того ошеломления, которое обрушилось на него, когда ему «посчастливилось» посмотреть в глаза новому императору во время посещения им заседания в Государственной думе в тот памятный день 1 марта. Александр Иванович был готов поклясться, что такого взгляда он у Михаила не видел никогда. Конечно, могла сыграть роль и гибель жены, и царская корона могла повлиять на образ мыслей, да и вообще обстановка тех дней не благоприятствовала душевному равновесию, но... Но не было в глазах нового царя ни боли утраты, ни ошеломления, ни какой-то суетливости. На Гучкова смотрел жесткий и решительный диктатор, готовый ломать и кроить под себя окружающий мир, не считающийся

ни с родственными связями, ни с сословными привилегиями, ни с былыми заслугами, и ни с чем вообще. Новый правитель России явно собирался идти к одному ему ведомой цели, не обращая внимания ни на что и сметая с дороги всех, кто станет у него на пути.

И Александр Иванович ни секунды не сомневался, что новый Михаил никому ничего не забудет, невзирая на объявленную амнистию, которую сам Гучков считал стремлением нового царя притупить бдительность потенциальных врагов монарха. Поэтому нет сомнения в том, что столкновение с новым императором неизбежно, а значит, уцелеть в этой схватке сам Гучков сможет, лишь нанеся удар первым.

Именно потому он сейчас в этом дворце, в этом зале и в этот неурочный час. Час, в который решается все.

Петроград. Дворцовый мост.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

Иван проклинал себя за то, что участвует в этом деле. Хотя полковник с генералом и пытались их взбодрить рассказом о том, что именно полки лейб-гвардии уже не раз в истории России возводили на престол императоров, но что ему до этих рассказов? Может, для городских и знатных имело это все какое-то значение, но ему, деревенскому парню, забритому в солдаты в последнюю мобилизацию, от которой не смог откупиться, какое дело до всех этих господских дел? Ну какие такие «привилегии и милости», которые «прольются дождем на прославленную лейб-гвардию», перепадут лично ему? Да и какая она «прославленная лейб-гвардия»? Гвардия в окопах гниет давно, а самих их набили в ее казармы, словно кислые огурцы в бочку, и одна у них теперь забота и привилегия – на фронт не угодить!

Впрочем, именно на это и напирали новые отцы-командиры, настаивая на том, что законный император Алексей Второй в благодарность за возвращенный родительский престол не только оставит их служить в столице до самого окончания войны, но и наградит особо всех и каждого. И хотя сам Иван и бурчал, сомневаясь, но многим сослуживцам пришлось эти слова по душе, что и немудрено, в общем-то.

Немудрено, поскольку деваться им теперь было уже некуда. Или возводить малолетнего царя на трон, или отправляться на фронт червей кормить. Услышав приказ главнокомандующего войсками Петроградского военного округа об отправке в действующую армию, запасной полк едва не взбунтовался, и лишь клятвенное обещание не дать их в обиду, данное новым командиром запасного полка полковником Слащевым, призвавшим их потерпеть до ночи, удержало их от немедленного бунта.

И вот, вечером, вместо отбоя, их вновь построили на плацу. Им было зачитано обращение великого князя Алексея Николаевича, призвавшего помочь ему вернуть престол Всероссийский и обещавшего осыпать их милостью своей и щедротами. Затем были речи генерала Крымова и полковника Слащева, и вот они, строем, рота за ротой, шагают сквозь мартовскую ночь в сторону Зимнего дворца.

Иван был рад тому, что не их роте выпало идти первыми на штурм. Хотя шагавший рядом с ним земляк Андрей Попов и бодрился, сам Никитин терзался самыми нехорошими предчувствиями. Впереди послышалась новая команда, и Иван, перехватив поудобнее трехлинейку с игольчатым штыком, перешел на бег. Темные стены Зимнего дворца были уже рядом...

Петроград. Таврический дворец.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

Шептались между собой Милюков и князь Львов. Смерть в Могилеве начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева спутала многие расклады, и те заговор-

щики, кто планировал сделать правителем России великого князя Николая Николаевича, потеряли мощного союзника.

Николай Николаевич (младший) был популярен в высших армейских кругах, и многие рассчитывали на его возвращение как минимум на должность Верховного Главнокомандующего, а как максимум он многим виделся в качестве нового императора. Сторонников этой идеи не смущало то, что для этого придется не просто сместить действующего государя, но и вообще сменить всю царствующую ветвь Романовых.

Немало было сторонников у великого князя и в среде столичной элиты, желавшей сохранить не только существующие привилегии, но и получить новые преференции.

Правда, сам Николай Николаевич вел крайне осторожную, если не сказать нерешительную политику, стараясь явно не связывать свое имя с заговором, а как бы вынужденно уступая общественному давлению, которое должно было практически призвать его на царство.

Но хорошо подготовленный план вдруг дал сбой. Алексеев убит, контроль над Ставкой потерян, многие участники заговора арестованы или даже расстреляны, главнокомандующие фронтами типа Брусилова затаились, демонстрируя показную лояльность новому императору, а те, кто проявил принципиальность, как генералы Рузский и Данилов, были арестованы и уже томятся в Петропавловской крепости.

Новый император круто взялся за укрепление своей власти. Прибыв в столицу с войсками с фронта, Михаил, с одной стороны, объявил амнистию и даже включил Милюкова в состав нового правительства в качестве министра иностранных дел, а с другой стороны, в Петроград вызваны многие офицеры и генералы с фронта, что явно предполагало массовую замену командного состава в армии вообще и в Военном министерстве в частности.

К тому же, несмотря на объявленную амнистию, ни один из арестованных по обвинению в заговоре так и не был отпущен. Следствие продолжалось, и сидящие в Петропавловской крепости что-то много и охотно рассказывали. А потому можно было смело ожидать новую волну арестов «в связи со вновь открывшимися в деле обстоятельствами».

Поэтому ждать развития событий было не просто глупо, но и смертельно опасно. Нельзя было давать возможности Михаилу укрепиться на троне и решить, что он уже достаточно окреп, чтобы начать сносить головы противникам. А в том, что он именно так и сделает, у Милюкова с Львовым сомнений больше не было.

Милюков оглянулся на окно и вздохнул. Тишина на улице нервировала. Нужно было что-то делать с Михаилом. Срочно что-то делать.

Да и была у Милюкова личная обида на нового царя. В самый критический момент тот пообещал (пусть не лично, а через секретаря) Павлу Николаевичу пост председателя нового Совета министров, в надежде на который Милюков и уговорил Родзянко фактически признать нового императора и прекратить сопротивление. Но прибыв в столицу, Михаил не стал выполнять свои обещания, а назначил премьер-министром генерала Нечволодова, вручив самому Милюкову в качестве утешения лишь портфель министра иностранных дел. Павел Николаевич скрепя сердце согласился, но почувствовал себя глубоко уязвленным.

– Что ж, ваше императорское величество, – прошептал он, глядя в темноту за окном, – пришла и вам пора платить по счетам...

Петроград.

Посольство Соединенного королевства

Великобритании и Ирландии.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

– Джентльмены, повторяю еще раз – у нас нет права на ошибку. Из Лондона четко дают нам понять, что продолжение нынешнего положения дел в России нетерпимо. Мы не можем

подвергать риску стратегическое положение на фронтах, а значит, наша задача – обеспечить однозначное продолжение Россией войны и скорейшее массовое наступление русских войск на Восточном фронте. Максимальное количество немецких дивизий должно быть оттянуто с участка предстоящего наступления союзников во Франции. Час решающей победы близок, и победа эта куется сейчас в Петрограде. Коммандер Кромби, какова ситуация в Кронштадте?

– Сэр, личный состав флотилии подводных лодок придан в качестве военных советников сформированным десантным отрядам Балтийского флота. Исполняя ваше предписание, десант готов прибыть в русскую столицу по первому сигналу, но пока находится в расположении Гвардейского экипажа.

– Хорошо, коммандер. Пока воздержимся от явного участия войск Короны в этом деле. Не стоит раньше времени афишировать наше участие, это может быть воспринято неоднозначно. Возможно, что русские в этот раз все же справятся сами. Консул Локхарт?

– Сэр, наш подопечный полон решимости и оптимизма, а остальные действующие лица находятся под надежной опекой. Мы не ожидаем каких-то случайностей или осложнений в этом деле. К завтрашнему полудню все будет кончено, смею вас уверить, сэр.

– Мистер Рейли?

– Вся необходимая работа нами проведена, насколько это было возможно в столь короткий срок. Актуальный список лояльных новому императору лиц – в представленном вам меморандуме. Поддержка командиров ключевых полков лейб-гвардии в Петрограде, а также представителей высшей аристократии из проанглийской партии нам обеспечена, смею вас в этом заверить, сэр. Сведения, которые я продолжаю получать из Зимнего дворца, говорят о том, что все идет по плану.

– Что ж, мистер Рейли, будем надеяться, что ваши блестящие рекомендации, которые я получил из Лондона, имеют под собой реальную основу. И, надеюсь, вы достаточно знаете своих бывших соотечественников, чтобы не полагаться в их случае на знаменитое русское «авось». И будем надеяться на то, что наши французские коллеги выполнят свою часть общего плана.

Петроград.

Мастерские Путиловского завода.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

– Товарищи! Час пробил! Получен сигнал готовности. Собирайте людей, к утру мы должны будем готовы выступить...

Петроград. Дворцовый мост.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

По Дворцовому мосту со стороны Васильевского острова прошла колонна солдат. Промаршировав мимо меня в сторону дворца, они сразу же почти выпали из моего сознания, но тут до моего слуха донеслись команды на набережной, и я с удивлением заметил, как солдаты рассыпались и побежали к входам в Зимний. Зазвучали выстрелы, звон бьющихся стекол, где-то внутри дворца взорвалась граната.

Обернувшись, я увидел, как на мост вбегает новая колонна солдат, спешащих перебраться на Дворцовую набережную. Не желая привлекать к себе внимание активными движениями, я просто стоял на мосту, отвернувшись от проходящей колонны, благо на мосту были еще припозднившиеся одинокие прохожие, и я не особо выделялся в своей дохе без погон и ремней на их фоне в этот поздний час.

Впрочем, вокруг уже началось хаотическое движение, и нужно было на что-то решаться, если, конечно, я не хочу попасть как кур в ощи́п. Внезапно меня кто-то крепко взял за рукав, и, резко повернувшись, я увидел человека в шинели лейб-гвардии Финляндского запасного полка, успев удивиться тому факту, что придвинувшаяся охрана его пропустила.

– Александр Павлович? – удивился я, узнав в «солдате» генерала Кутепова.

– Государь, нам сейчас нужно спешно уходить отсюда. Зимний дворец захвачен мятежниками. По всей видимости, Нечволодов и Иванов арестованы. Я, можно сказать, случайно выбрался через окно, разжившись по дороге шинелью одного из зазевавшихся мятежников. Они ищут вас, государь!

Глава II

Штурм Зимнего

Петроград.

Военное министерство.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

- Ты же сам должен понимать, что Миша в роли императора опасен.
- Твои слова пахнут изменой!
- Брось, Сандро, какая измена? И кому?
- Государю императору Всероссийскому!
- Сумасшедшие на троне опасны! Ты же слышал его речи! Все эти заявления про скорейший мир сами по себе уже измена, а уж про раздел земли и говорить нечего! Ты же понимаешь, что это гражданская война? И потом, само воцарение Миши не является законным, и ты это сам прекрасно знаешь, ведь Ники не мог отречься еще и за сына!
- Алексей болен гемофилией, какой из него царь, побойся Бога!
- Хороший, послушный царь, окруженный мудрыми советниками с регентом во главе. Великий князь Александр Михайлович хмуро смерил собеседника взглядом.
- И кто регент?
- Разумеется, тот, кому это положено по праву, тот, кто следующий в очереди на престол.
- То есть твой разлюбленный брат?
- А кто еще? Николай Николаевич? Или ты сам хотел? Впрочем, это не так уж и важно в данный момент, определимся потом. В конце концов, мы, члены императорской фамилии, как-нибудь уж договоримся. Решайся, Сандро, время уходит. Хотя...
- За окном послышалась удаленная стрельба.
- ...хотя, думаю, что все уже кончено. Миша уже больше не император. Так что лучшее, что ты можешь сделать, так это не вмешиваться в происходящее.
- Лучшее?
- Военный министр поднял со стола колокольчик и позвонил.
- Я предвидел нечто подобное, Борис. И озаботился присутствием конвоя в приемной. Господа, возьмите под стражу этого человека!

Петроград.

Министерство внутренних дел.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

- Да уж, господа. Дел действительно много...

Председатель вновь созданного Высочайшего следственного комитета генерал Батюшин покачал головой. Вот уже несколько дней в личный кабинет министра внутренних дел собирали весь накопленный за многие годы компромат на всю имперскую элиту – аристократию, депутатов, военных, промышленников, членов Земгора и прочих, кто так или иначе либо неправоммерно наживался на казенных заказах, либо был замечен в получении различного рода серьезных подношений, либо слишком уж часто терся вокруг иностранных посольств. То, что при прошлом императоре лишь собирало пыль в архивах, было извлечено на свет божий распоряжением нового монарха.

- Это лишь малая часть того, что было. То, что удалось спасти, или то, что хранилось отдельно.

Министр Глобачев был хмур. Ему лучше, чем кому бы то ни было, было известно о том, что было и что осталось в итоге. Структуры Министерства внутренних дел были практически полностью разгромлены в горячие дни февральских событий. Бушующей стихией революционных выступлений были сожжены здания судебных установлений, Окружного суда, департамента полиции, Главного тюремного управления, Петроградского охранного отделения, множества полицейских участков, архива контрразведки и много других учреждений. Да что там учреждений – разъяренная толпа, подстрекаемая выпущенными из тюрем уголовниками, устроила буквально охоту на чинов полиции и филеров, вешая их на столбах, расстреливая на улицах, топя в прорубях Невы или просто забивая до смерти. Можно было с уверенностью сказать, что в те дни полиция в Петрограде просто перестала существовать, поскольку многие сотрудники были вынуждены буквально спасаться, переодевшись и скрываясь от развернувшейся охоты.

Лишь несколько дней назад, после воцарения нового государя и установления относительного спокойствия на улицах, полицейские чины начали возвращаться на службу, узнав о назначении нового министра внутренних дел и начальника департамента полиции. И о том, что империя вновь нуждается в них.

Назначенный три дня назад министром внутренних дел Константин Иванович Глобачев фактически только-только начал восстанавливать работу некогда самого значимого в столице министерства, однако хаос все еще преодолеть не удалось. Не хватало всего – людей, помещений, документов, и, самое главное, катастрофически не хватало времени, поскольку события вновь рванули в галоп, не интересуясь готовностью к ним со стороны МВД и лично самого Глобачева.

Нет, какие-то успехи уже были налицо, но система пока не сложилась, и работа оставшихся в строю сотрудников больше напоминала хаотическую суету во время пожара. Та же работа охранного отделения была скорее направлена на попытку восстановить свою организацию, чем на исполнение своих прямых задач.

А тут еще повеление императора срочно собрать все материалы на тех, кто так или иначе участвовал в заговорах против короны. А под это определение подпадала половина столицы! Почти весь высший свет можно записать в списки участников или как минимум тех, кто сильно много болтал о необходимости переворота.

– И все же, господа, крыса, загнанная в угол, бросается на того, кто ее туда загнал. Все эти папки прекрасны, но...

Министр Глобачев указал на огромный стол для совещаний, на котором были разложены сотни толстых папок.

– Но не слишком ли торопится государь?

Командир Отдельного корпуса жандармов генерал Курлов пожал плечами.

– Тут, Константин Иванович, главный вопрос в том, кто первый нанесет удар. Эту гидру можно победить, только отрубив все головы сразу. Мешкать никак нельзя.

– Да, Павел Григорьевич, тут трудно не согласиться. Но только вот сил у нас пока мало-вато, для удара первыми. Тут бы все это добро не дать уничтожить. Я ведь не случайно затребовал в Военном министерстве пять пулеметов вдобавок к строевой роте столичного жандармского дивизиона, который сейчас, как вы имели возможность убедиться, охраняет не только это здание снаружи, но и все ключевые места и, в особенности, мою приемную.

– О да, пулемет в приемной произвел на меня неизгладимое впечатление, Константин Иванович!

– Вы, Николай Степанович, напрасно иронизируете. Эти папки хуже склада взрывчатки по своему убойному действию.

Батюшин поднял руки.

– Отнюдь, я не иронизирую вовсе. Я знаю множество людей в том же Таврическом дворце, которые душу продадут не задумываясь ради возможности все эти дела отправить в паровозную топку. И нас заодно.

Конечно, кое-какая информация поступала к ним и сейчас. Например, они точно знали о том, что именно в эти минуты в Таврическом дворце началось некое заседание группы депутатов Государственной думы, которое, возможно, и не привлекло бы к себе пристального внимания присутствующих, если бы не некоторые странности, такие как ночное время заседания и состав его участников, на каждого из которых на столе министра лежала не одна папка.

– К сожалению, команды на их арест мы пока не получили.

Курлов предупреждающе поднял руку.

– Тише, господа! Слышите?

Все прислушались. В тревожной ночной тишине в отдалении звучали выстрелы.

– Где это, как думаете?

Глобачев неопределенно пожал плечами.

– Где угодно. Судя по всему, где-то в центре. Точнее сказать трудно. Равно как и определить, что там происходит, мы опять же не можем. Возможно, где-то в казармах все-таки дошло до стрельбы. Сейчас будем пытаться выяснить. В любом случае нужно принять меры по усилению охраны этого здания.

Петроград. Главный штаб.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

Генерал Ходнев вот уже несколько минут крутил ручку телефонного аппарата, пытаясь дозвониться до Зимнего. Стрельба за окном стала тише и приглушеннее, хотя ее интенсивность заметно увеличилась. Было очевидным, что бой уже идет внутри здания.

– Ваше превосходительство!

Ходнев обернулся, не отнимая трубки от уха.

– Докладывайте, штабс-капитан!

Сафонов шелкнул каблуками.

– Ваше превосходительство! Комендантская рота поднята в ружье. Прикажете выступать?

В этот момент в Зимнем подняли трубку.

– Ходнев у аппарата!

– Здесь генерал Иванов...

– Николай Иудович! – Ходнев не стал тратить время на вступления и задал самый главный вопрос. – Что с государем?

В трубке возникла секундная пауза, и сквозь шумы связи были ясно слышны пулеметные очереди и многочисленные винтовочные выстрелы. Наконец Иванов глухо ответил:

– Мы не знаем, где государь...

– То есть как? – опешил Ходнев. – Что у вас происходит? Кто стреляет?

В этот раз генерал Иванов ответил сразу:

– Зимний блокирован, и большая часть дворца занята мятежниками!

А затем зло бросил:

– Мы атакованы ротами Финляндского запасного полка, вашего драгоценного Финляндского полка, милостивый государь военный комендант Петрограда!

Лицо Ходнева вспыхнуло, как от пощечины. В словах Иванова явственно звучало прямое обвинение в случившемся самого Дмитрия Ивановича Ходнева. Лично и персонально. И как выходца из лейб-гвардии Финляндского полка, и как вновь назначенного государем военного коменданта столицы.

Иванов меж тем продолжал «рубить»:

– Мы пока держимся, вашими молитвами. Я сейчас буду посылать к вам устойчивые части, и готовьтесь к деблокаде здания. Но не вздумайте начинать штурм дворца без моей команды – в Зимнем больше тысячи раненых, и где-то во дворце государь! Быть может, он соизволил посетить залы госпиталя или находится в других помещениях дворца. А может, он в руках мятежников. В любом случае штурм может быть опасен для жизни императора. Повторяю, без моей команды никаких действий! Ждите сигнала! Извольте выполнять, милостивый государь!

На этом связь прервалась. Ходнев некоторое время смотрел в сторону выходящего на Дворцовую площадь большого окна. В ночной тьме был слабо виден темный Зимний дворец, и лишь слабое фиолетовое свечение ночных ламп вычерчивало силуэты окон. Лишь в некоторых помещениях огромного здания сквозь стекла бил желтый электрический свет, словно огни океанского лайнера. Вокруг дворца сновали какие-то тени, звучали команды, слышимые даже сквозь канонаду перестрелки внутри Зимнего.

– М-да, ситуация...

С одной стороны, у Ходнева есть прямой приказ главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Иванова, а с другой – там, в Зимнем, идет бой, и жизнь государя императора явно подвергается опасности. А с третьей – можно ли врываться в бой, не имея представления о том, кто тут враги, а кто свои? Тем более, в бой, идущий в коридорах и залах огромного дворца, который к тому же сейчас представляет собой огромный военный госпиталь. Кроме того, неизвестно, какими силами располагают мятежники, и сможет ли комендантская рота на что-то там вообще повлиять.

– Ваше превосходительство, какие будут приказы?

Генерал повернулся к напомнившему о себе Сафонову.

– В Петрограде мятеж. Зимний дворец атакован ротами Финляндского запасного полка. Где государь – неизвестно, однако генерал Иванов полагает, что император все еще внутри здания. Стройте роту, штабс-капитан! Выступаем к Зимнему. Задача – защитить государя. Противниками считать всех, на ком форма Финляндского полка. При малейшем сопротивлении мятежников открывать огонь на поражение. Особо передайте нижним чинам мой приказ – по окнам с фиолетовым светом не стрелять без крайней на то необходимости, там госпитальные залы и множество тяжелораненых. Выполняйте!

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Сафонов козырнул и быстро вышел из кабинета выполнять приказание. Сам же Ходнев решительно направился к телефону. Через пару минут ожидания барышня соединила с кабинетом полковника князя Аргутинского-Долгорукова.

– Константин Сергеевич? Доброго здоровья. Генерал Ходнев у аппарата. Слышали стрельбу сейчас?... Да, это у Зимнего дворца... Мятеж снова у нас... Да, неизвестно... Мы выступаем к Зимнему. Нужна срочная поддержка от вас... Генерал Иванов приказал Преображенскому полку без команды не выступать?... Нет, значит?... Уверены в правильности своего решения?... Понятно!

Ходнев кинул трубку на рычаг и выругался.

– Как же, как же, «буду выполнять приказ главнокомандующего». Решил отсидеться и примкнуть к победителю, сволочь!

В этот момент в кабинет генерала буквально вбежал штабс-капитан Сафонов.

– Ваше превосходительство! В нашу сторону со стороны Адмиралтейства идет большая колонна. Кто такие, пока не видно...

Петроград.

Таврический дворец.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

И хотя представляли они разные силы и идеи, да и свели их в эту ночь сюда разные мотивы и обстоятельства, все же была у всех присутствующих общая цель и общий особый интерес в эту ночь. Именно поэтому так прислушивались они к звукам ночного Петрограда, и именно потому возникшая где-то в городе стрельба была для присутствующих слаще любимой музыки.

– Кажется, началось, господа!

Сергей Илиодорович Шидловский даже хлопнул в ладоши от восторга. И сразу после этого хлопка, словно от звука открываемого шампанского, загомонили присутствующие, обмениваясь возбужденными репликами и оценками происходящего.

Невзирая на всеобщий восторг, Родзянко был по-прежнему немногословен и мрачен. В отличие от переполненного радостью землевладельца Шидловского, опытный Михаил Владимирович понимал, что звуки начавшейся канонады пока не означают свершившегося устранения от власти ненавистного им всем Михаила Второго. Пусть небольшой, но был вполне реальный шанс на то, что явившему неожиданную изворотливость в последние дни февраля Михаилу удастся как-то и в этот раз выскользнуть из силков заговора.

– Сомневаетесь в успехе? – тихо и участливо спросил у него Гучков.

Председатель Государственной думы вздрогнул, отвел взгляд от телефонного аппарата и посмотрел на своего предшественника. Затем так же тихо огрызнулся:

– А вы что же, абсолютно уверены в успехе?

Александр Иванович пожал плечами и вздохнул:

– К сожалению, у нас не было времени на подготовку переворота. Вспомните, сколько месяцев и даже лет мы готовили свержение Николая, а тут фактически случился экспромт. Я согласен, что подготовить гарантированный переворот за пару дней нереально, и нам пришлось импровизировать, благо все наработки прошлого плана все еще в силе, поскольку Михаил проявил глупость, не решившись сразу выжечь все существовавшие заговоры каленым железом. А ведь он знал о многих из них, сам участвуя в их подготовке.

– Как же, отлично помню наши и ваши планы. В частности, такой расчудесный план, как сделать Михаила регентом при малолетнем Алексее. – Родзянко сказал это со злой иронией. – Теперь-то все очевидно должны были быть довольными, не так ли? Михаил стал не просто регентом, а целым государем императором. Вы счастливы, любезный Александр Иванович?

Гучков участливо покачал головой.

– Мне понятно ваше ёрничанье. Это у вас нервное!

Михаил Владимирович что-то уже собрался ответить нелिцеприятное, но тут к нему обратился князь Львов.

– Уважаемый Михаил Владимирович, не пора ли подписать бумаги и объявить о создании нашего Временного правительства? Звуки этой ночи вызывают к нашей решительности и своевременности. Пора заявлять о себе и твердо брать власть в свои руки, не так ли?

«Старому индюку не терпится стать главой правительства! Вот же торопливый осел!» – Родзянко почти с ненавистью посмотрел на далекого потомка Рюрика. Глава Земгора и раньше раздражал его, постоянно фигурируя в качестве кандидатуры на руководство «ответственным министерством» – правительством, которое должно было назначаться и подчиняться парламенту, минуя императора. А ведь у самого Михаила Владимировича были вполне конкретные виды на этот пост. И вот теперь без пяти минут министр-председатель Временного правительства России, видите ли, изволит выражать нетерпение!

– Успеете еще подписать, Георгий Евгеньевич, успеете.

Князь Львов пожал плечами и принялся делать вид очень занятого человека, который просматривает бумаги с проектами решений будущего правительства. Но судя по тому, как

дрожали листы в его руках, будущий глава этого самого правительства все же очень сильно волновался, хотя и старался сохранять чопорную невозмутимость.

Смерив «министра-председателя» презрительным взглядом, господин Родзянко вернулся к прерванному занятию и продолжил гипнотизировать телефонный аппарат. Он ждал новостей.

Петроград. Зимний дворец.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

Полковник Слащев стоял прижавшись спиной к стене и шипел от бешенства. Так хорошо начинавшийся штурм вдруг застопорился. Первые, застигнутые врасплох, нижние чины Конвоя и Роты дворцовых гренадер не оказали никакого сопротивления и были разоружены. Дальше им снова повезло, и на пути попался ничего не понимающий старый полковник Наврузов, и лично Слащев проводил командира Роты дворцовых гренадер под охрану нескольких финляндцев.

Окрыленный таким успехом Слащев принялся подгонять спешащих мимо него солдат. Казалось, что еще несколько минут, и дворец будет полностью захвачен. Полковник торопился быстрее добраться до Императорской библиотеки, где, как ему сказали перед началом их выступления, в данный момент проходило совещание во главе с Михаилом. Он уже предвкушал перекошенные или растерянные лица самого узурпатора и его генералов, когда он, полковник Слащев, с наслаждением и триумфом объявит им о низложении проправившего всего несколько дней Михаила-неудачника и об аресте всей их компании.

Но продвижение вдруг резко застопорилось, и впереди их ждала хорошо простреливаемая Романовская галерея, выход из которой перегораживала наспех сложенная баррикада из мебели. Однако навал мебели явно успели укрепить чем-то тяжелым, и винтовочные пули не пробивали преграду. Да и засевшие там активно стреляли в ответ не только из винтовок, но в дело даже вступил «Льюис».

– Черт, черт, черт! – Слащев в бешенстве выпустил в сторону баррикады несколько пуль и, получив в ответ попадание, сбившее папаху с его головы, мгновенно скрылся за углом.

Дело приобретало нехороший оборот, и вместо практически гарантированного успеха они все вскоре могут отправиться на плаху за участие в мятеже. Если им не удастся быстро захватить дворец и арестовать Михаила, то роли в этой пьеске могут и поменяться. Еще от силы час, и к Зимнему подойдут верные нынешней власти войска. Впрочем, какой там час – комендантская рота прямо через Дворцовую площадь в огромном здании Главного Штаба. Да и до казарм лейб-гвардии Преображенского полка всего пара кварталов, а о настроениях там трудно было сказать что-то определенное. Во всяком случае, при планировании операции исходили из того, что преображенцы примут сторону фактического победителя.

План мятежа был решителен и дерзок – молниеносным ударом захватить Михаила и объявить о том, что тот низложен или застрелился. Лишенные лидера войска, в охваченном новыми выступлениями запасных полков Петрограде, не станут оказывать сопротивления и принесут присягу законному императору Алексею Второму. Но все то, что, как известно, выглядит простым и очевидным в теории, вдруг совершенно неожиданно начинает ломаться на практике.

И вот сейчас он стоит у этой проклятой галереи и боится голову высунуть из-за угла. Галерея заблокирована, а пройти через соседний Николаевский зал решительно невозможно, поскольку огромное пространство буквально забито кроватями дворцового госпиталя и пришлось бы буквально перебираться через множество тяжелораненых. Тем более что в этом зале лежат получившие ранения в голову, шею и позвоночник, а значит, не может быть и речи об их быстрой транспортировке с возможного места штурма.

Минуты между тем бегут одна за другой, усугубляя их отчаянное положение до самой крайности. Если он сейчас не найдет выхода, то им всем конец. Ведь, судя по всему, у генерала Крымова, зашедшего со своим отрядом через другой подъезд, дела ничуть не лучше, и засевшие на половине узурпатора не дают им даже приблизиться. Гранату до них не добросить, от пуль они защищены, а время работает на Михаила. Единственный вариант – расстрелять их окна из пушек со стороны Биржи, но пушек у Слащева нет, равно как и нет времени их раздобыть и прикатить на площадь. Да и не помогут им пушки добить обороняющихся во внутренних комнатах дворца, не говоря уж о том, что обстрел из орудий дворца, превращенного в гигантский госпиталь, может привести к случайным попаданиям снарядов в залы с тяжело ранеными. Хорошо хоть генерал должен был выставить оцепление со стороны набережной и Михаилу не удастся сбежать через окно. Интересно, есть ли во дворце тайные ходы?

Слащев решительно направился в сторону, где он посадил под замок полковника Наврузова.

– Немедленно прикажите своим подчиненным сложить оружие! Прекратите бессмысленное кровопролитие, и император Алексей Второй вас не забудет!

Старый полковник выслушал его и отрицательно покачал головой.

– Я не стану этого делать, милостивый государь. Позвольте самому старому Георгиевскому кавалеру России не пятнать свою честь изменой одному государю, возводя на престол другого...

Петроград.

Дворцовый мост.

5 марта (18 марта) 1917 года.

Около полуночи

Я перевел взгляд с Кутепова на мрачную громаду Зимнего дворца за рекой. Что ж, недолго музыка играла, как говорится. Попытка переворота произошла куда быстрее, чем я рассчитывал. Ну да ладно, некогда сейчас философии разводить, посыпать голову пеплом и занимать прочей фигней.

Мимо меня перешла на бег очередная рота финляндцев, и мне было совершенно понятно, что скоро ловушка захлопнется. Я обернулся к охране и тихо приказал:

– Господа, сейчас мы с генералом Кутеповым спокойно идем в сторону Биржи. Ближе чем на сто шагов к нам не приближаться, – видя, что руководитель охраны пытается что-то возразить, я подвожу итог «дискуссии»: – Это приказ, господа. Удачи всем нам.

Пока мы шли с Кутеповым к выходу с моста, я пытался придумать выход из этой патовой ситуации. То, что я отослал охрану, пока не означало наличия у меня какого-то плана действий, я просто пытался снизить приметность своей персоны, ведь было совершенно ясно – меня вот-вот начнут искать, и понятно, что группы на мосту будут вызывать интерес в первую очередь. Одна надежда на то, что, пока они заняты перестрелкой во дворце, им не придет в голову начинать поиски вне Зимнего. Лишь бы сейчас никто из проходящих мимо финляндцев не обратил на меня внимания. Впрочем, было довольно темно, а за парапетом моста чернота была почти всеобъемлющей. Лишь слабый отсвет на льду говорил о том, что Нева никуда не делась.

Но куда дальше? Я слабо верил в то, что Николаевский и Биржевой мосты нам удастся пройти незамеченными, да и не решало это проблемы. Если я сейчас буду долго ходить туда-сюда, это будет практически равносильно поражению, поскольку отсутствие императора во главе верных войск в условиях военного переворота фактически означает гарантированную потерю им престола, ведь к моменту, когда я соблаговолю нарисоваться пред ясны очи народа, все может быть уже закончено. Нет, войскам нужен вождь, нужен символ и нужен смысл борьбы, тут без вариантов.

Кутепов что-то говорил мне вполголоса, но я его толком не слушал, поскольку все его верноподданнические речи сводились к разным вариантам спасения моей драгоценной персоны, но не несли ничего дельного в вопросе немедленного подавления мятежа. Что ж, забота о безопасности императора понятна, но в данной ситуации неприемлема.

– Нет, дорогой мой Александр Павлович, я не приму ни одно из ваших предложений. Я не стану прятаться, и вы прекрасно знаете почему, – сказал я Кутепову, когда мы дошли до конца моста. – Мы не станем уходить от них. Наоборот, мы пойдем к ним. Залог победы в напоре и неожиданности, не так ли?

Кутепов явно растерялся.

– Но, государь...

Не слушая его, я спустился с набережной по ступенькам к самой Неве. Взору открылось огромное темное пространство, лишь слабо подсвеченное редким уличным освещением. На другой стороне реки высился Зимний дворец, а за ним уходили вдаль темные строения вдоль Дворцовой набережной.

– Что ж, все примерно так, как я и предполагал. Пойдемте, господа, нанесем светский визит князю Аргутинскому-Долгорукову. У меня к нему вопросы поднакопились.

И первым шагнул на лед Невы.

Петроград. Зимний дворец.

6 марта (19 марта) 1917 года.

Первый час ночи

В принципе, положение не было безнадежным. Они хорошо укрепились и имели достаточное количество оружия и боеприпасов для того, чтобы спокойно дожидаться подхода верных войск. Но было одно обстоятельство, которое делало безнадежным все предприятие и лишало их оборону всякого смысла. И обстоятельство это называлось – император.

Государя пока нигде найти не удалось. Спешный осмотр всех доступных помещений дворца не привел ни к каким результатам – Михаила Второго нигде не было. Не могли также разыскать и генерала Кутепова. И вот теперь Иванов и Нечволодов пытались определить логику их дальнейших действий.

Если император захвачен, то его жизнь под серьезной угрозой. Вряд ли заговорщики оставят ему шанс изменить ситуацию. А без Михаила Второго вся их оборона – это лишь агония и к утру Россия получит нового государя. Насколько бы ни были ему верными войска, никто не станет сражаться в ситуации, когда ничего уже изменить нельзя.

Впрочем, если до сего момента со стороны мятежников не последовало на этот счет никаких сообщений, то значит, те уверены, что Михаил Второй здесь. Оставалось обороняться, пытаться организовать деблокаду дворца и ждать момента, когда ситуация прояснится сама собой.

Наконец блиц-совещание генералов закончилось, и Нечволодов остался командовать обороной, а Иванов, как главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, решительно взял на себя обеспечение подхода надежных частей к Зимнему дворцу, для чего и отправился к имевшемуся в их части дворца телефону.

Уже когда они разошлись, Нечволодов вдруг сообразил, что нужно срочно позвонить в здание МВД и попытаться найти нового министра внутренних дел Глобачева. Надежд на разгромленную питерскую полицию немного, но все же МВД есть МВД.

В этот момент от баррикады Темного коридора послышалась зычная команда:

– Во исполнение высочайшего повеления государя императора Михаила Александровича, приказываю прекратить сопротивление и сложить оружие!

Ошалев от неожиданности, Нечволодов бросился через Ротонду в Императорскую библиотеку и увидел, как через баррикаду спешно перебираются нижние чины лейб-гвардии

Финляндского запасного полка, а обороняющиеся, побросав оружие, растерянно смотрят на командира Собственного Его Императорского Величества Конвоя генерал-майора свиты графа Граббе-Никитина, самодовольно щурящего свои свинячьи глазки и оглядывающего дело рук своих.

– Это измена! – Нечволодов успел лишь объявить очевидное, но дальше ничего сказать просто не успел. Получив удар прикладом в грудь от кого-то из финляндцев, он рухнул на пол библиотеки.

Граббе-Никитин подошел к лежащему на полу премьер-министру и злорадно проговорил:

– На фронт меня хотели отправить, твари неблагодарные? Не подхожу я Михаилу? Ну, значит, и он не подходит мне! Теперь Конвой будет охранять нового императора. Так-то, разлюбезный господин самозванный председатель Совета министров...

Петроград. Таврический дворец.

6 марта (19 марта) 1917 года.

Первый час ночи

Неизвестность томила душу и напрягала нервы. Кто-то рисовал чертей на бумаге, кто-то ходил по залу, а кто-то стоял у окна, словно надеясь, что близость к улице позволит им первыми понять итог. Время от времени слышались нервные смешки и тихие перешептывания – так, словно говорившие боялись звуком своей речи заглушить первые признаки победы.

И вот эти признаки, наконец, прозвучали. Милюков поднял голову и, прислушавшись, тихо сказал:

– Кажется, все затихло?

Воцарилась мертвая тишина. Несколько мгновений тишины, которые растянулись на целую вечность. Тишины, которой еще не решались придать форму эпитетами, а потому это пока еще была не «историческая», не «роковая», не «торжественная», не какая-либо другая, а просто ТИШИНА.

Резкий звук телефонного звонка на краткий миг обрушил тишину, и лишь голос председателя Государственной думы зазвучал для затаивших дыхание слушателей в зале.

– Родзянко у аппарата!.. Да!.. Что вы сказали?.. Где?.. Что ж, удачи.

Михаил Владимирович медленно положил трубку и после долгой паузы произнес:

– Господа, есть две новости – хорошая и плохая. Хорошая – Зимний дворец взят. Плохая – где Михаил, никто не знает...

Глава III

Бои имперского значения

Петроград. Главный штаб.

6 марта (19 марта) 1917 года.

Ночь

Ходнев поспешил к окну и принялся всматриваться в ночь, силясь понять, кто же к ним пожаловал в столь неурочный час. Приближающийся отряд явно был большим, но пока было трудно определить его реальную численность. Было понятно только одно – приближается до батальона неизвестных военных с совершенно непонятными пока целями. Это могли быть и части, которые обещал прислать генерал Иванов, а могли быть и мятежники.

– Ни зги не видать! – чертыхнулся генерал. – Сафонов, дайте приказ занять круговую оборону в здании. И рупор мне.

Зазвучали команды, сразу же возникла упорядоченная уставом суeta, нижние чины спешно занимали позиции у окон, перекрывали подходы к входным дверям, устанавливали пулеметы на угрожаемых направлениях – в общем, делали все то, что и должны делать солдаты в подобных ситуациях, руководимые умелыми и решительными командирами.

Ходнев, прикрываясь за спешно сооруженной баррикадой, выстрелил из нагана в небо и прокричал в рупор:

– Требую остановиться и прислать представителя! В противном случае открываем огонь на поражение!

Сафонов выглянул через край баррикады и пробормотал:

– Эх, вжарить бы по ним из пулемета, пока они вот так в колонне. Сейчас рассыпятся, и выцеливай их потом...

Генерал покосился на него.

– Сафонов, умерьте свою кровожадность. Это может быть часть из числа тех, которые обещал прислать генерал Иванов в поддержку нам.

– Хорошо, если так.

Штабс-капитан спорить с начальством не стал, но явно остался при своем мнении. Впрочем, и у самого Ходнева были очень большие сомнения в том, что этот отряд действительно прислан им в помощь, поскольку само направление подхода со стороны Адмиралтейства и открытый переход через Дворцовую площадь ввиду захваченного мятежниками Зимнего дворца могло означать либо соучастие в мятеже, либо откровенную дурость командира этого отряда. Но поскольку Дмитрий Иванович за годы службы повидал достаточно дурости среди офицеров и генералов, он никак не мог исключать и такой вариант. Именно поэтому он сейчас томился в ожидании реакции на свои слова.

Внезапно звуки стрельбы со стороны Зимнего дворца стихли. Это могло значить что угодно. Могло означать, что дворец пал и что государь захвачен. А могло значить, что мятежники, увидев подтянувшиеся силы верных императору войск, могли уйти или даже сложить оружие. Но времени и возможности выяснить обстановку у генерала Ходнева не было.

Между тем колонна приближалась, явно не собираясь останавливаться. Однако, обгоняя идущих, вперед выдвинулся офицер и закричал, размахивая руками:

– Не стреляйте! У нас приказ спешно укрепить оборону Главного Штаба!

Ходнев нахмурился.

– Я требую остановки колонны до выяснения обстоятельств. Иначе мы открываем огонь без предупреждения!

– Не стреляйте! Мы свои!

Офицер продолжал кричать и размахивать руками, колонна продолжала идти, и не было никаких признаков того, что все они собираются выполнять требование остановиться. Тогда Ходнев отдал короткий приказ:

– Очередь поверх голов.

Рядом загрохотал «Льюис», однако колонна вместо остановки вдруг рассыпалась и открыла огонь по зданию Главного Штаба.

Увидев такой поворот событий, Ходнев приказал бить на поражение. «Льюис» опустил ствол и ударил кинжальным огнем. Его стрельбу подхватили, и вот по площади забили несколько пулеметов и сотня винтовок. Дворцовая площадь для сотен приближавшихся превратилась в крошечный ад. Свистели убийственными осами пули, и невидимая коса смерти буквально разметала то, что еще секунды назад было упорядоченным воинским подразделением, пытавшимся действовать согласованно. Фонтанчики снега и каменного крошева мостовой буквально вскипятили участок вокруг мечущихся, падающих, стонущих и выкрикивающих проклятия, ползущих или в панике бегущих в разные стороны.

Впрочем, вскоре стало понятно, что реальный ущерб от огня все же был значительно ниже, чем могло показаться на первый взгляд. Большей части нападавших удалось рассредоточиться и либо залечь прямо на площади, либо спешно отойти под прикрытие ограды Александровского сада, откуда по зданию Главного Штаба была открыта нестройная винтовочная стрельба.

– А если это действительно были свои, ваше превосходительство? – с сомнением рискнул спросить Сафонов.

Ходнев нахмурился и отрезал:

– Не говорите ерунды, штабс-капитан! Свои бы остановились, а эти лишь зубы заговаривали, стремясь сократить расстояние для броска!

Хотя Дмитрий Иванович и демонстрировал твердую уверенность, в глубине души он все же несколько сомневался в правильности своего поступка. Главным образом смущало его то обстоятельство, что приближавшиеся двигались походной колонной, а не пытались атаковать рассыпанным строем, что было бы логично в сложившихся обстоятельствах, тем более что от Александровского сада до угла здания Главного Штаба расстояние было совсем небольшим – всего-то на один рывок. А потому было непонятным, зачем мятежниками (если это, конечно, мятежники, а не величайшая ошибка генерала Ходнева) понадобился весь этот балаган с движением в колонне по открытому и простреливаемому Дворцовому проезду. Единственным объяснением могло быть желание атаковавших занять здание Главного Штаба без стрельбы, так сказать, хитростью.

«Вот и перехитрили сами себя, – подумал Ходнев, – Впрочем, будь на моем месте другой командир, он мог и не принять решение на открытие огня и, вполне вероятно, запустил бы “подкрепление” внутрь здания».

В любом случае на терзания, сомнения и прочие размышления не было ни времени, ни подходящих случаю обстоятельств. Шел бой, в столице мятеж, а на плечах генерала Ходнева ответственность за оборону здания Главного Штаба. Во всяком случае, пока император не отдаст ему другой приказ.

Впрочем, знать бы, кто сейчас император, ибо если власть поменялась...

Петроград.

Военное министерство.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

Тем временем, пока Ходнев командовал обороной и вел горячий бой, военный министр великий князь Александр Михайлович воевал исключительно словами, практически не отры-

вая от уха трубку телефонного аппарата. Абоненты сменялись, но тема всех переговоров была одна и общая – мятеж в столице и ситуация в полках, которые расквартированы в Петрограде.

А ситуация была явно паршивенькой. Большинство офицеров, с которыми удалось поговорить Сандро, выражали сомнения в том, что вверенные им части выполняют приказ и выступают на подавление мятежа. В казармах шли если еще не митинги, то уже оживленные разговоры, не самым плохим итогом которых было решение о нейтралитете и невмешательстве в происходящие в городе события.

Гораздо лучшей была ситуация в военных училищах, где юнкера требовали выдать им оружие и отправить в бой за государя императора. После выступлений Михаила Второго его фигура была весьма популярна среди юнкеров. К тому же было распространено убеждение, что при Михаиле перед ними открываются большие карьерные перспективы, а если же на престол взойдет малолетний Алексей, то власть останется у старых пердунов, не принимающих нового и задвигающих молодых офицеров подальше.

Во всяком случае, военный министр ожидал выступления до восьми рот юнкеров разных училищ. Сила, конечно, не огромная на фоне шестидесятитысячного гарнизона столицы, но в сложившихся шатких обстоятельствах – немалая.

Но главным итогом телефонных переговоров Сандро считал установление взаимопонимания и координации действий с министром внутренних дел Глобачевым, выразившейся во взятии под усиленную охрану силами столичного жандармского дивизиона зданий почты, телеграфа и телефонной станции, а также распоряжение министра ВД о полном запрете передачи телеграмм из города и строгий контроль за телефонными переговорами в пределах Петрограда. Для усиления жандармского охранения к этим ключевым зданиям столицы спешно выдвигались юнкера Константиновского артиллерийского училища.

Главной же проблемой оставалась полная неизвестность относительно судьбы самого императора Михаила Второго, и Сандро прекрасно понимал, что если в ближайшие час-два ситуация не прояснится, то контроль над Петроградом будет утрачен бесповоротно.

Петроград.

Лед Невы перед Зимним дворцом.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

Припорошивший лед снег бодро хрустел под ногами. Мы шли сквозь тьму мартовской ночи, все больше удаляясь от Дворцового моста, и старались рассмотреть хоть что-то под ногами. Несведущему человеку может показаться, что прогулка по замерзшей реке может быть чревата лишь неожиданным падением, однако главная и самая неприятная неожиданность, которая грозила нам, заключалась вовсе не в этом, а в том, что можно было угодить в прорубь, лишь прихваченную ночным льдом, и которую в таком скудном освещении было разглядеть совсем непросто. Во всяком случае, именно об этом меня активно предостерегал идущий впереди генерал Климович, который взял на себя функцию передового дозора. Остальная охрана рассыпалась впереди и с боков, высматривая трещины и полыньи на льду. Так что рядом со мной шел только генерал Кутепов.

– Судя по затихшей во дворце стрельбе, там уже все кончено, а судьба премьер-министра и главнокомандующего Петроградским военным округом нам неизвестна. Посему вам вновь предстоит исполнять должность командующего округом и коменданта Петрограда. Итак, как вы оцениваете ситуацию в городе и что мы должны предпринять в первую очередь?

Кутепов несколько минут шел молча, затем мрачно заговорил:

– Ваше императорское величество, позвольте быть откровенным. Ситуация крайне опасная. Город набит ненадежными частями, нижние чины из которых хлынут на улицы не позднее рассвета. Мятежникам не удалось захватить ваше величество, это большая удача для нас, которая ставит на мятеже если не крест, то, по крайней мере, очень сильно понижает его шансы

на успех. Однако опасность еще не миновала. Откровенно говоря, я не могу поручиться ни за одну часть, что в ней ваше величество сможет чувствовать себя в полной безопасности. Риск бунта очень велик, и нет гарантий, что кому-то не придет в голову осуществить покушение или арест вашего величества. Даже Преображенский запасной полк колеблется, идут разговоры о том, что фронта им все равно не избежать, тем более что многие запятнали себя участием в февральских событиях. И что Алексей может им гарантировать то, что их оставят в Петрограде. Такая же или еще хуже ситуация в других запасных полках, и если по состоянию на вечер перед нами была лишь проблема, как их вывести из города, то теперь мы почти наверняка столкнемся с вооруженным выступлением этих полков. Замечу, что их анархичность и неорганизованность не даст им выступить единой силой, а значит, ждать, что они перейдут под командование мятежников как слаженный военный организм, все же не следует. По существу, к надежным я бы отнес лишь Георгиевский батальон, юнкеров военных училищ, казаков и прибывшие с фронта части.

Кутепов криво усмехнулся и добавил:

– Если, конечно, они не успели пропитаться столичным духом.

В этот момент из-за Зимнего, где-то со стороны Дворцовой площади, раздалась пулеметная очередь, которая мгновенно усилилась и разнообразилась выстрелами из винтовок. Где-то там явно шел нешуточный бой.

– Главный Штаб, – сказал Кутепов, прислушиваясь к звукам канонады, – похоже, что мятежники решили и его взять под контроль. Интересно, а Адмиралтейство уже захватили?

– Если я правильно понимаю ситуацию, – покачал головой я, – то Адмиралтейство им захватывать не пришлось, ведь Гвардейский экипаж был уже там, не так ли?

Генерал напряженно смотрел на меня, так что мне пришлось напомнить:

– Александр Павлович, на Бога надейтесь, а сами не плошайте. Это я к тому, что не забывайте под ноги смотреть. А что касается Адмиралтейства, то это пока мои догадки, хотя я почти уверен, что за заговором и мятежом торчат длинные уши великого князя Кирилла Владимировича, поскольку он главный выгодоприобретатель в данной ситуации. Если меня сбросить с шахматной доски, то либо он сам сядет на престол, либо будет править через Алексея, если карта ляжет так, что самому стать императором у него не получится.

Кутепов недоверчиво взглянул на меня:

– Кирилл Владимирович? Простите, ваше величество, но трудно поверить, что он мог организовать подобный заговор. Не та он фигура и таланты не те.

– Нет-нет, не стоит упрощать, – я покачал головой, – он лишь одна из многих фигур в этом деле, и каждая из этих фигур преследует свои интересы и будет стараться переиграть своих временных партнеров и союзников по мятежу. Уверен, что и мой дядя, Николай Николаевич, приложил к этому руку, и некоторые другие великие князья, и многие в Госдуме, да и в армии наверняка не всем нравятся новые порядки. К тому же вряд ли у них было время плести заговоры, а значит, в деле те, кто плел заговоры против моего брата. Думаю, что тут не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сделать подобный вывод из сложившейся ситуации. Но мы отвлеклись. Наша первейшая задача – обеспечить верность присяге нижних чинов Преображенского полка и Георгиевского батальона. И решительный удар на упреждение.

– Двинем их на штурм Зимнего?

– Двинем, но не сейчас. Ценность Зимнего дворца в сложившейся ситуации крайне невелика. – Я усмехаюсь. – Нет, Александр Павлович, мы поступим куда интереснее...

Петроград. Зимний дворец.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

– Оставьте нас! – вошедший генерал не терпящим возражения тоном выставил за дверь всю охрану, в компании которой премьер-министр провел много томительных минут. Нечволодов с интересом разглядывал пришедшего.

– Генерал Крымов, конечно же, мне следовало догадаться! Какой же заговор без вашего активного участия! Я вижу, вам одного прощения государя явно недостаточно? Все же рветесь на плаху?

Крымов зло зыркнул на узника, однако, вопреки ожиданиям Нечволодова, не стал ничего говорить, а просто уселся в кресло, после чего принялся пристально и изучающе разглядывать председателя Совета министров Российской империи. Наконец он заговорил.

– Вы знаете, где сейчас Михаил?

Нечволодов усмехнулся:

– Из вашего вопроса, милостивый государь, следует, что сами вы этого, конечно же, не знаете, не так ли?

– Потрудитесь отвечать на мои вопросы, господин Нечволодов, и тогда, быть может, ваша дальнейшая судьба будет не такой уж и печальной.

Они обменялись враждебными взглядами, но ответа Крымов так и не дождался. Пришлось ему продолжать, как будто ничего не случилось.

– Итак, где Михаил?

– Не имею представления, милостивый государь! – премьер явно издевался, наслаждаясь тем, что господин Крымов, похоже, нуждается в нем куда больше, чем сам Крымов или те, кто за ним стоит, нужны самому Нечволодову. – Вы же знаете, что Зимний дворец полон тайных лестниц и подземных ходов. Еще со времен матушки Екатерины Великой монархи могли себе позволить исчезать и появляться самым неожиданным образом! В прежние времена, да простятся мне эти речи, личная жизнь государей и государынь Всероссийских протекала весьма бурно и требовала многих неафишируемых возможностей уходить из дворца и возвращаться в него. Откуда же мне знать тайны секретных ходов, посудите сами, господин Крымов!

– Издеваетесь? – холодно уточнил генерал.

– Не без этого, – кивнул Александр Дмитриевич.

Крымов смерил его тяжелым взглядом и заявил:

– Напрасно вы лезете в бутылку. Михаила мы возьмем в любом случае. Раствориться в воздухе он не мог, дворец оцеплен, а значит, он где-то во дворце. Если понадобится, мы осмотрим в здании каждый чулан, каждый чердак, каждый подвал, заглянем под каждую кровать, но найдем его, уж будьте покойны. Сейчас идет сплошной обыск, включая помещения госпиталя. Даже если нам придется разбинтовать каждого раненого, мы все равно не дадим ему шанса улизнуть. Так что вариантов у него нет. И имейте в виду, как только мы его найдем, вы перестанете быть нам интересны.

Нечволодов с любопытством посмотрел на генерала.

– И позвольте спросить, зачем я вам нужен? Да, для чего, милостивый государь, вы тут передо мной так распинаетесь, вместе того чтобы обыскивать все ночные горшки и помойные ведра?

Генерал потемнел лицом, но сдержал гнев, сказав после нескольких мгновений явной борьбы с закипающим в душе бешенством:

– Я уполномочен сделать вам предложение.

– Вот как? Предложение? – Александр Дмитриевич демонстративно уселся в кресле поудобнее и изобразил живейший интерес. – Позвольте осведомиться, от кого предложение? Какой круг лиц вы представляете? Кто вас уполномочил делать предложения премьер-министру Российской империи?

– Я представляю группу патриотов России. Персоналии пока неважны, достаточно сказать, что в нее входят лица императорской крови, высшие сановники двора и империи, высшие

руководители армии и промышленности, а также другие значимые лица. – Крымов наклонился вперед и буквально впился взглядом в премьера. – И эта группа делает вам щедрое предложение. Вы должны подписать обращение от имени главы правительства, в котором заявляете о том, что великий князь Михаил Александрович незаконно занял престол, узурпировав власть, и в связи с этим вы признаете государем Всероссийским Алексея Николаевича, настоящего наследника последнего законного императора Российской империи Николая Второго. Ну, и призываете всех подданных принять нового государя и принести ему всенародную верноподданническую присягу.

– Любопытно, – отметил Нечволодов. – И что же за эту измену я должен буду получить, по вашему мнению?

Крымов усмехнулся:

– Ну, пост премьер-министра вам сохранить не удастся, это понятно. Есть желающие и без вас. Но вот пост любого министра или пост главнокомандующего Северным фронтом я могу вам гарантировать. Или, если угодно, пост главы миссии в любой стране мира. И учтите, что предложение действительно только до момента, когда найдем Михаила. Как только он любым способом покинет этот бранный мир, мы обвиним в подломе убийстве императора именно вас, – и добавил с издевкой: – ...милостивый государь.

Петроград.

Министерство внутренних дел.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

– Вот уж не было печали, черти накачали!

Командир Отдельного корпуса жандармов грязно выругался. И было отчего. Все наличные силы жандармского дивизиона были распылены по разным стратегическим объектам столицы, да так, что само здание МВД охраняла лишь одна рота. То есть лишних сил не было совсем, а протяжные гудки заводов и фабрик говорили, что на улицах вскоре станет очень и очень горячо.

В игру вступала еще третья сила, и было совершенно понятно, что первым двум мало не покажется. События развивались стремительно, и не факт, что заигравшиеся в борьбу за трон группировки не будут сметены революционными толпами, усиленными оравами бушующих солдат петроградского гарнизона.

Все буквально висело на волоске.

Петроград.

Казармы Преображенского полка.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

Стремительно идя по коридорам Преображенского полка, я видел, как вытягивались в изумлении лица, как смолкали разговоры, как щелкали при моем приближении каблуки. На одних лицах была надежда, на других растерянность, на третьих безразличие. Были и те, чьи глаза говорили о том, что видеть своего государя они не очень-то и рады.

Как бы там ни было, но меня никто не пытался остановить, и моя свита с сопровождавшим нас дежурным офицером штабс-капитаном Брауном едва поспевала за мной. Впрочем, Браун успевал еще и выбегать вперед, показывая мне дорогу к кабинету командира полка.

Еще за пару десятков шагов я услышал разговор, явно ведущийся на повышенных тонах. Подойдя ближе, я увидел, что дверь кабинета неплотно прикрыта, и сквозь щель доносились голоса, показавшиеся мне явно знакомыми. Я остановился и сделал знак сопровождающим не нарушать тишину. Теперь слова были хорошо различимы, и мне было прекрасно слышно спорящих.

– Князь, да что же это такое, в самом-то деле! Какой может быть приказ в таких условиях! Благоволите дать команду на выступление!

– Барон, вы тут проездом и вообще не имеете касательства к петроградскому гарнизону. У меня приказ генерала Иванова, главнокомандующего округом, и я его буду неукоснительно выполнять!

– Полковник! Ваши слова пахнут изменой!

– Ваше превосходительство, вы не имеете права обвинять офицера в измене только на том основании, что он выполняет приказ вышестоящего начальства!

– Да вы в своем ли уме, князь? Там идет бой, и, возможно, жизнь императора под угрозой, а вы ищете оправдания своему бездействию! Я отстраняю вас по обвинению в государственной измене и принимаю командование на себя!

– А вы не мой прямой начальник и, следовательно, отстранить меня от командования не имеете права! Я вас сейчас самого под арест отправлю, за попытку подстрекательства к нарушению приказа командования и подстрекательство к мятежу!

Заклучив, что дискуссия как раз подошла к своей кульминации, я решительно открыл дверь и вошел в кабинет, где друг напротив друга стояли раскрасневшиеся полковник князь Аргутинский-Долгоруков и генерал-майор барон Маннергейм. Проигнорировав князя, я обратился прямо к генералу:

– Густав Карлович, какими судьбами вы здесь? Давненько мы с вами не встречались. Как поживает ваша 12-я кавалерийская дивизия?

Тот вытянулся и, щелкнув каблуками, доложил:

– Ваше императорское величество! Проездом из Гельсингфорса в действующую армию по случаю окончания лечения. Представляюсь по случаю прибытия в Петроград!

Я кивнул, а затем спросил у обоих:

– У вас была какая-то оживленная дискуссия, которую я имел несчастье прервать. Позвольте полюбопытствовать, о чем был спор, господа?

Аргутинский-Долгоруков стоял ни жив ни мертв. Смертельная бледность разлилась по его смуглому лицу, и губы его слегка подрагивали. Маннергейм кинул на него быстрый презрительный взгляд и взял инициативу на себя.

– Ваше императорское величество, мы с князем согласовывали порядок выдвижения Преображенского запасного полка на помощь верным присяге частям, ведущим бой с мятежниками в Зимнем дворце и в здании Главного Штаба.

– Как-то слишком громко вы обсуждали этот порядок выдвижения. Или были какие-то проблемы, князь? – я особо выделил слово «были». – Что скажете?

– Никак нет, ваше императорское величество, никаких проблем с выдвижением не было и нет! Полк готов выступить прямо сейчас!

С любопытством разглядываю полковника. Вот же мерзкий тип, явный болтун и приспособленец, любитель светского общества и столичной жизни. Сколько таких еще сидит в теплых кабинетах и занимает ключевые посты в полках лейб-гвардии? И скольких придется железной метлой отправить на фронт! Хотя и на фронте от таких деятелей толку мало, один вред. Ведь по их вине будут гибнуть солдаты, бездумно отправляемые на вражеские пулеметы своими негодными офицерами. В общем, плачет по этой публике какой-нибудь штрафбат, лесоповал или, как говорится, другие ударные стройки народного хозяйства.

Налюбовавшись уже зеленеющим от страха полковником, я жестко заговорил:

– Полковник князь Аргутинский-Долгоруков, вы были правы, генерал Маннергейм превысил свои полномочия, отстраняя вас от командования полком. Он не имел на это права, не будучи прямым командиром. Однако, полковник, объясните, почему вы отказывались выдвинуть Преображенский запасной полк на помощь императору, которому вы присягали в верности всего лишь несколько дней назад?

Князь как-то судорожно втянул ртом воздух и залепетал:

– Ваше императорское величество, вы не так поняли мои слова, я вовсе не отказывался приходить... на помощь... но генерал Иванов... главнокомандующий, и он приказал, а я...

Окончательно запутавшись, полковник замолчал, зависнув в каком-то полубоморочном состоянии.

– Достаточно. – Обернувшись, приказываю дежурному: – Штабс-капитан Браун, вызовите караул.

Тот буквально выбежал из кабинета, а я продолжил, уже глядя прямо на окончательно парализованного полковника:

– Полковник Аргутинский-Долгоруков, я отстраняю вас от командования Преображенским запасным полком. Вы арестованы по обвинению в государственной измене, трусости и небрежении долгом. Ваше дело будет рассмотрено военным трибуналом, и приговор будет немедленно приведен в исполнение. Уведите!

Конвой буквально потащил на руках лишившегося чувств князя, а я посмотрел на бледного штабс-капитана Брауна.

– Штабс-капитан Браун! Вам все понятно?

Тот щелкнул каблуками и козырнул.

– Так точно, ваше императорское величество!

– В таком случае, штабс-капитан, постройте полк, я хочу обратиться к преображенцам. Выполняйте!

Браун стремительно вышел, а я обернулся к ожидавшим генералам.

– Дайте мне связь.

Через несколько минут, переговорив с Сандро и Глобачевым, а также раздав срочные указания, я вновь обратился к присутствующим:

– У нас есть пять-десять минут на выработку стратегии и принятие решений. Прошу к столу, господа генералы.

И уселся в кресло бывшего командира Преображенского полка. Кутепов, Климович и Маннергейм быстро заняли места вокруг стола, и военный блиц-совет начался.

– Итак, господа, ситуация довольно скверная. Идет бой за Главный Штаб, вокруг Военного министерства и здания МВД нездоровое движение, оцеплению у казарм Волынского полка пришлось дать очередь из пулемета поверх голов, не позволяя им выйти на улицы и загоняя волынцев обратно. У казарм других полков спокойнее, но все может перемениться в любой момент. Пока известно, что в мятеже принимают активное участие подразделения Финляндского запасного полка и Гвардейский экипаж. Мятежники удерживают Зимний дворец, здания МИДа, Министерства финансов и Адмиралтейство. Плюс в Таврическом дворце опять что-то мутят депутаты во главе с Родзянко. Во главе всего этого мятежа, очевидно, стоят Владимировичи. Во всяком случае, великий князь Борис Владимирович был взят под стражу Военным министром после попытки уговорить его перейти на сторону мятежников. А судя по участию в мятеже Гвардейского экипажа, то и без Кирилла Владимировича тут вряд ли обошлось. В целом положение крайне неустойчиво. Особенно с учетом сильных брожений в Кронштадте. Главное наше преимущество в том, что мятежникам не удался план по захвату императора, и я все еще во главе государства и армии. Крайне важно довести это до сведения максимально широкого числа лиц. Будем надеяться, что такое сообщение прояснит обстановку и удержит многие горячие головы от выступлений, а сомневающимся ясно укажет, чью сторону им нужно принять. Однако реальных сил у нас мало на данный момент. Из хороших новостей пока только известие о том, что на Николаевском вокзале началась разгрузка первых эскадронов Дикой дивизии, но вряд ли до утра мы можем на них рассчитывать. А до утра может полыхнуть по всей столице. Ясно и то, что переломить ситуацию можно либо ценой большой крови и насто-

ящей войны на городских улицах, либо сделав совершенно неожиданной ход, который никак не мог быть спрогнозирован заговорщиками. И такой ход у меня есть.

Я обвел взглядом замерших генералов и бросил на чашу весов истории свой аргумент.

– В условиях войны и внутренней смуты, я высочайше повелеваю создать специальную службу – Внутреннюю стражу Российской империи, подчиненную напрямую императору. Генерал-майор Маннергейм, приказываю вам сформировать 1-ю Отдельную дивизию особого назначения на базе добровольцев из запасных полков, расквартированных в Петрограде. Записывайте их прямо целыми частями и подразделениями. А офицеров мы временно прикомандируем к вам. Все равно эти запасные полки нужно немедленно распускать.

И глядя на вытянувшиеся лица генералов, я, усмехнувшись, добавил:

– Они не хотят на фронт? Так пусть заслужат право остаться в тылу, восстановив власть императора в столице.

Петроград.

Зимний дворец.

6 марта (19 марта) 1917 года. Ночь

Внезапно фиолетовый полумрак сменился ярким желтым светом. Двери распахнулись, и в зал с ранеными ворвались многочисленные солдаты и начали спешно рыскать по помещению, что-то или кого-то выискивая.

– Да что ж вы делаете, ироды! – Галанина просто задохнулась от возмущения. – Немедленно убирайтесь отсюда!

Вошедший вслед за нижними чинами полковник Слащев зло отодвинул в сторону старшую ночной смены сестер милосердия в Николаевском зале и приказал:

– Проверить все без исключения! Искать спрятавшегося узурпатора!

Раненые в зале зароптали, а сестры милосердия кинулись навстречу, пытаясь воспрепятствовать ворвавшимся в зал нижним чинам лейб-гвардии Финляндского запасного полка в устройении поголовного досмотра.

Иван Никитин чувствовал себя последним мерзавцем, заглядывая под койки, щупая вещи и пытаясь, не прибегая к радикальным мерам, угадать сквозь толстый слой бинтов, не скрывается ли под ними исчезнувший узурпатор Михаил. Да как тут поймешь, если не видел его толком никогда? Что толку в том, что полковник Слащев показал им портрет молодого Михаила, висящий в Романовской галерее? Да и не хотел Иван идти обыскивать госпитальные залы, и не только он один не хотел. Приказ вызвал массовое возмущение финляндцев, и если бы не угроза расстрела со стороны Слащева, то никто бы и не пошел. Да скорее бы они самого полковника пустили бы в расход, но тот им вовремя напомнил, что за мятеж полагается смертная казнь, и если они не найдут Михаила, а на престол не взойдет Алексей, то впереди у каждого дознание, военный трибунал и расстрел. Пришлось скрепя сердце идти на усиленные поиски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.